

Олег Хомяков

ОГНИ БОЛЬШОГО КИНО

«Тревога! Все в укрытии!». И все бежали, прятались, бросая даже неподпитый чай на столах, кроме одного человека. Кира Георгиевна Муратовой.

УЧАСТЬ

Это было именно как репетиция, мини-учение. По гражданской обороне. «Действия по сигналу тревоги при угрозе атомного нападения». Я — руководитель занятий — в роли атомной бомбы. Члены сценарно-редакционной коллегии Одесской киностудии, спасаясь от меня, от 40-минутного занятия, жертвы...

Мне одиноко. Я жалок — с ворохом плакатов под мышкой, с учебником ГО и журналом посещений в руке. Но с меня штаб требует данных. Все сроки просрочены. И выход все тот же: отловить каждого по отдельности в ходе рабочего дня, вывести в коридор, поставить к стенке и провести индивидуальную беседу.

Начать можно с К. Г. Муратовой. Она всегда на месте. Она сама, как «оружие массового поражения сердца» — своеобразной прелестью ее фильмов. Я для нее никакой не атом, не пугало, не повод, чтобы «смыкаться». И, конечно, это не потому, что ее рабочий стол в другом, старом, корпусе студии. О занятиях по ГО заранее оповещается.

Жаркий день. Старый, овеянный легендами корпус «молодежной студии» обнесен стеной, похожей на монастырскую. Дворик в тени пихт. Клубы цветов. Слабая тень благодати — то ли оазис в пекле неистового киномира, то ли нечто реликтовое, музейное.

Впрочем, музей студии именно тут, в украшенном горельефами доме. Музейным работником, как это ни дико звучит, была до недавнего времени и Кира Георгиевна. (Извиняюсь перед ней, впрямь ограничусь ее твердыми инициалами — К. Г.). Сейчас она член сценарной коллегии, хотя все редакторское — от ведения или оценки сценариев до анализа фильмов — ей глубоко претит. Она создана для съемок. Своих картин. Для того, чтобы убеждать не словом, но делом.

Однако от дела она отставлена, отстранена. Музей — тупик. Пусть побудет в членах коллегии: решил Киев, Укргопкино.

Здесь прохладно, безлюдно. К. Г. одна. Те, что работают рядом, «смыкаться». Она выслушивает мою теорию об «индивидуальной» обработке. Ее столько лет столько лиц «обрабатывали», пробуя ввалить ума, что она привыкла. «Такова моя участь» — написано на моей физиономии. Путь из ГО в ГО — из гражданской обороны в гражданское общество — казался тогда не просто длинным, но принципиально невозможным...

К. Г., поджав живейшие, красиво очерченные губы, придав подвижному, миловидному лицу каменное выражение, выходит из-за стола. Усаживается на стул прямо передо мной. (Что за спектакль? Я не просил. Я мог бы, сиди она за столом, стоять, обращаясь к ней...).

— Слушаю вас.

Гм... Стою перед женщиной-истуканом. Она должна расписаться в журнале посещений, но об этом потом.

— Так, я вас слушаю!

— Знаете ли вы, что надо делать при угрозе атомного нападения?

(Если честно, даже в каком-то смысле интимно признаться читателю, мне хотелось, пользуясь тем, что мы одни, спросить: помнит ли она меня по ВГИКу?).

— Посетить ваше занятие, — отвечает.

— Да... да. С этого надо начать.

Разворачиваю плакаты, схемы. К. Г. — само внимание, и потому мягким, ровным голосом поясню порядок действий: обклеить загодя полосками окна, при сигнале тревоги выключить газ, свет, надеть предохранительную маску. (Считая из марли с вложенной в нее ватой, она при мне). Направляясь в бомбоубежище, следует позвонить соседям, помочь престарелым...

— Олег Михайлович! Вы могли бы сыграть пастора. В американском фильме. Это ваша роль.

Вот уж никогда не думал! Нет, не о роли — то особая, но о служителях культуры. Да еще за океаном...

— Итак, я надела маску... Вы ее сами сшили или вам выдали вместо противогаза? — Это, Кира Георгиевна, как бы приложение к противогазу. Его вам выдадут там, под землей...

— Поздно.

— В бомбоубежище!.. А сшила маску Женя, моя дочь. Она, кстати, очень любит ваши фильмы.

— Самая чуткая из моих поклонниц.

К. Г. Слушает — в маске. Но продолжать невозможно: она смешнее, чем Джувалетта Мазина. И мне вдруг бросается в глаза их поразительно внешнее сходство. Да, да! Вот если Мазина наденет защитную противогазную маску...

Я жил на Урале, когда вышел фильм «Короткие встречи». Какая необычная актриса в главной роли! — подумал о героине. Эталон выразительности, ибо впечатляется мгновенно в память. Где была раньше! Почему не снимали!.. Ей бы побольше рост! Но эти черные огоньки, две уменьшенные до размеров глаз шаровые молнии (едва не выпархивающие из-под ресниц), эта балетная пластика упругого, гармонично сложенного тела, эти полновзвучные модуляции голоса... Эти, наконец, прелестные кукольные щечки (ей чеховскую «душечку» играть). В полку советских кинозвезд прибыло!..

О том, что больше никогда,

нигде я не увижу на экране нашу Мазину, нет теперь смысла говорить. Мы фатально щедры на потери.

Но я хлопнул себя по лбу, узнав чуть не в середине фильма девушку из Румынии, учившуюся на режиссерском факультете ВГИКа в мастерской С. А. Герасимова. Их было две признанные красавицы, постигавшие неженское искусство режиссуры: Кира и Лариса. Первая вскоре стала женой однокурсника Саши Муратова (обоим выпадает жить и трудиться на украинской земле), вторая, Лариса Шепитько, погибает в зените славы...

указало ей место... на обочине.

Она предложила властям компромисс — мировую классику. Рассказ С. Мозга «Записки», например. Условие долго обговаривалось, «мусолилось» по инстанциям, но было принято. Сценарно-редакционная коллегия уменьшилась на одного человека, «законсервированного» режиссера.

К. Г. расцвела. Она, повторяю, создана для трясущихся склонов горы, именуемой вулканом. Она же — киногруппа. И магла клокочет в сердце маленькой (пусть она простит меня) неугомонной женщины! Не крука, терзающая мир, но взгляд, жест, голос, повелевающие Вселенной.

Вот она пушечным ядром, завожовившим князя Андрея, крутится перед редактором фильма «Перемена участи» (это Мозг), что-то быстро уточняя и — в мою сторону:

— Вы будете у меня играть начальника тюрьмы.

Хоть стой, хоть падай. Я что-то промычал о «пастыре», но то, впрочем, Голливуд: еще не использованный шанс...

— Вам хочется блеснуть в положительной роли, да? Плевать сердцу женщин? А кто будет играть отрицательные? Уроды? Неприказанные? Вот вы и будете. Сейчас вам принесут сценарий.

Как пишут в романах: «Она исчезла так же внезапно, как появилась».

МЕЧТА

Любовь к кино вызывает не к тому, чтобы стать цветоустановщиком, режиссером, примером. Сие неведомо детскому сердцу. Все мы хотим стать киноактерами и только киноактерами. По моему глубокому убеждению! С годами мечта-надежда только крепнет, находя все больше логических оснований. Зачем писать сценарий, тереть мозги, когда его поднесут тебе на блюде? Зачем «пробивать» фильм — он уже пробит, коль тебя приглашают на пробы? Зачем посыпать главу пеплом, если фильм опорожен? Ты только сыграл роль, остальное вне тебя.

«Как вас зовут? Вы нам очень подходите!». Это ко мне, в 54 г. Двое с «Ленфильма». Отвечаю: «Я не актер». Разочарование. (Мне памятен тот октябрьский день: непьющий, тайком от семьи, я являюсь в этот день к бутылке. Так мне было горько!).

В фильмах К. Г. Муратовой я, живя в Одессе, стал замечать многих неактеров, зачастую работников студии. Для чего ей это! Неужели «профи» не делает роль — как правило эпизодическую — лучше! «Элементарно, Ватсон!». Может быть, ей антипатичны набившие оскомину актерские амплуа! Пожалуй, да. Есть такой грех: «А он все тот же в той же роли...». Единственное, что отталкивает порой от актерской профессии: ведь сам себе прискучишь, «опостылеешь»... Позже я получил письмо от своей знакомой: «Я прочитала интервью с К. Муратовой. Смысл в том, что она метит духовным оком людей с подвижной аномалией психики. Понятен ее интерес к непрофессионалам». [Она не захотела добавить: «К тебе тоже»].

Роль начальника тюрьмы в «Перемене участи» мне понравилась. Ему, правда, за 60, мне 54, но без лишней суеты, переполнения ты не актер. Другая беда. Я категорически не могу запомнить текст роли! Я наконец осознал, что одна из граней исполнительского таланта — быть идеальным зубрилой. Хороший актер, работающий в кино и в театре, помнит целые книги текстов! Это на грани фантастики.

Вспомнив Мартина Идена, я разрезал роль на кусочки и развешивал ее от кухни до туалета. Семья страдала: сидя на стульчике, я что-то бубнил и бубнил — беззвучно... Вот и показ. Вдруг болезненно ощущается, что на студиях нет «актерской комнаты». Все делается на ходу, в комнате проходной, отведенной киногруппе. Видя, как я болезненно скукожился (ведь и телефоны звонят!), К. Г. прервала показ, и мы перешли в «ленинскую комнату», принадлежащую парткому. Так на фоне портрета вождя революции, его цитат о гуманизме, о свободе и пр. благоглупостях — при диктатуре пролетариата, я начал монолог начальника тюрьмы на тему: вся жизнь — тюрьма, все люди — узники.

— Да вы — Марлон Брандо! — тихо сказала К. Г. — Идите на фотопробы.

Известно, что форменная одежда на 4/5 поглощает человека, информацию о его лице и теле. Я не оказался себе на фотопробе таким уж неприемлемым, хотя был явно молоджав. Но мне предстояло испить до дна чашу актерской судьбы. Меня вдруг перестали замечать! Все члены группы «Перемены участи», начиная с... режиссера. Ну не соваться же ей на глаза? А сама она меня облетает бабочкой. Милые, бедные, подневольные, униженные и оскорбленные актеры! Как я теперь вас понимаю! И как я категорически не хочу оказаться на вашем месте. Нет уж, лучше быть редактором, цветоустановщиком, бутафором...

МУРАШКИ

Съемки начались, и в роли начальника тюрьмы снимался... директор фильма «Перемена участи» В. Дмитриев (я-то думал, меня заменили на «мхатовца»). Неожиданно К. Г. Муратова повелела своему ассистенту узнать: боюсь ли я высоты, не закружится ли у меня голова. В полной уверенности, что речь идет о главной роли, о высоте славы, на которую предстояло воспарить, я ответил, что застрахован. Обществом, чей девиз: «Унижение лаче гордости». Но оказалось, что речь — о съемках на краю крыши тюрьмы. Где я должен изобразить страшника, одержимого сексуальной падулей в легкой форме. Трудно понять, почему «пастор» столь причудливо эволюционировал в сознании К. Г., да и никогда я, одиолюб, не ударял «по женской части»... Видимо, не нашлось другого способа пощадить самолюбие русского «Брандо».

Я согласился. На крыше не было ни опасно, ни страшно. Но когда в тюремном подземелье я должен был сняться уже с текстом — припадая губами к волосам, а ладонью к груди актрисы (тоже — ничего страшного, но и радости мало: лучше бы припасть в танце), случилось ужасное. Я не мог правильно произнести и двух реплик. Почему?.. Когда на меня, ласкавшего женскую грудь, навели объектив камеры, мне вдруг вспомнилась глупая шутка танкиста. Ему сказали (на съемках фильма «Смелого пуля боится» Свердловской студии), что вот приехал редактор фильма: страшный человек, который вправе запретить съемки. И он, сидя в башне, навел на меня танковый ствол. Мол, посмей только!.. (А фильм позже стал первым советским кинобоевиком для детей на тему Отечественной войны).

Такие же мурашки высыпали на мое прикрытое шинелью стражника тело, когда я увидел наценный на меня... объектив.

О свирепой требователь-

ности К. Г. к ее любимым, чающим в ней души актерам ходят легенды. Она свирела. Во имя... 7-го, 8-го, 10-го дубля, отвечающего ее целям. Но она столь убедительна в постановке задачи, что кончается это просьбой актера об 11-м 12-м дубле... И здесь ничего от «муштры» потому что бы, что режиссер рада любой, даже малой инициативе — вплоть до разумной «отсебятины» в текстах. Лично я купался в этой счастливой возможности: часть реплик в трех «моих» фильмах принадлежит мне. И часть «примудро». [Напр., трюк с биноклем в «Чувствительном милиционере»]. Все вместе это называется «творческим пиром», когда редкая капля протечет по усам.

Я нашел реплику для стражника в том прилюдном интиме, и мне стало легко, и сцена удалась.

Как все фильмы прославленного режиссера, «Перемена участи» получила свою норму наград и призов.

«БУДУЩЕЕ»

Когда все ограничения, все подозрения в измене соцреализму и гуманизму отошли от Муратовой, как фермы обслуживания от ракеты, она взмыла в новой «косм» фильмом «Астенический синдром». Это картина-диагноз, когда исследовать или нечего, или поздно. Картина-приговор. Обществу, из которого вынута душа.

Фильм, где страшное и смешное «близнецы-братья», где предостережение всех катастроф 90-х гг. дано, что называется, в алфавитном порядке: от «а» до «я». И никто, даже школьные учителя, не знает, как пишется слово «будущее»...

Пророческое, мифологизированное произведение многозначно. Лично мне особенно близок в «Синдроме» по ощущению главной нашей беды эпизод педсовета — не потому, что я в нем снимался. Тогда вспоминались слова русского философа А. Лосева: человек «промелькнул в жизни, и часто даже слишком незаметно. В чем же смысл его жизни и смерти? (А герой фильма умирает в финале. — О. Х.). Только в том общем, в чем он был каким-то переходным пунктом... И этой радости достаточно, чтобы быть спокойным перед смертью и не убиваться над потерями в жизни... Кто любит, тот умрет спокойно».

Но в том и дело, что герой-учитель умер не спокойно. Он выпал из общего дела. А еще трагичнее то, что друг его, директор школы, апологет именно общего воспитательного дела, убеждается, что оно в сегодняшнем бытии немислимо. Джинн хаоса выпущен из бутылки.

«Астенический синдром» критика сразу поставила в один ряд с уходящим в легенду «Покаянием». Скоро и фильм К. Муратовой, увенчанный многими лаврами, станет как бы уходить в туннель памяти о перестройке. Нет его на экранах, нет в ретроспективе ТВ. Но от его славы, его успеха не убудет.

ПРИВЕТ ПАШЕ СТРОГАНОВОЙ!

Казалось, что в «Синдроме» режиссер самоисчерпался: «Дальше — тишина»... Но ведь, как ни страшен хаос, Воланд говорит Маргарите: «Не беспокойтесь, все будет, как надлежит, на том мир держится». Провозглашалось: железный конь идет на смену крестьянской лошади. На смену железным чекистам пришли чувствительные милиционеры. О них по-своему, на свой лад сказала доброе слово Кира Муратова.

Повезет, так на воронках. В

фильме «Чувствительный милиционер» я, исполнитель эпизодической роли, вновь попадаю в кульминационную, самую яркую сцену — заседание суда. Если мне и будет впрямь что-то доверено актерское в кадре, убежден — не выше, не лучше, не забавнее. Роль почти без слов, вся на пластике и мимансе: актерская мечта.

Декорация была выстроена в порту. Между белоснежных лайнеров. Стояла одесская осень, вся из желтого бархата. С моря дул свежий гриновский ветер. Советский Союз был еще жив, и трапезы в перерыве между съемками не носили характер международных приемов... Если бы кто-то мне напорочил: это твой последний золотой сон на украинской земле, ты никогда не увидишь этого фильма, эти лайнеры будут продаваться за бесценок... счел бы за шизофренический бред. Но так стало. Ни «Милиционера», ни «Увлечений» К. Муратовой я на экране не увидел. Для моего родного города «во глубине России» а может, и для Книги Гиннесса я — самый непопулярный киноактер, снявшийся в трех звездных, усыпанных призами фильмах!

После «Честного хлеба» начальству всегда мерещились в лентах Муратовой фиги в кармане. Но она далека от политики, идеологии. Ее пророчества носят эмоционально-эсхатологический характер. Ибо она живет сердцем, думает сердцем, провидит сердцем.

Это не значит, что она сентиментальна. Ее сердце «базальтовой» породы. Если обратиться к судьбам, она, думаю, подпишет под словами А. Шопенгауэра: «То, что люди приняты называть судьбой, является, в сущности, лишь совокупностью учиненных ими глупостей». Если толковать о гуманизме, она вскинется всей своей страстью на защиту «маленького человека», но не забудет о правде: выживают только сильнейшие. Если говорить о реализме, она «за», но с приставкой «скор». Если, наконец, искушать ее эстетической красотой, благостной гармонией, она решительно предпочтет божественную мощь, вагнеровский накал. Ей ведомы чары мятежного демонизма. Так мне кажется.

Лучший из фильмов Г. Панфилова «Начало» кончается, как известно, недоумением героини Паши Строгановой: «Снимали. Хвалили. Любили... Забыли!». Жестокое «ДА» слышит она в актерском отделе студии. Забыли. Не нужна.

Я счастливее. Я был востребован. Уже из Шары прошел пробу, был взят опять-таки в самый симпатичный эпизод из нового фильма К. Муратовой «Увлеченья». Я обвешал пятистенки репликами, написанными цветными фломастерами (уже ведь мараматирую: 7-й десяток), все вызубрил, нашел для роли «изюминку» и «перчинку».

В награду получил извещение: в связи с трудным финансовым положением спонсора фильма, необходимостью экономии средств мой эпизод изымается — со всеми потрохами и гастрономией (изюм, перец, соль).

Напрасно...

Хотя, по рассказам, фильм и без мой «кухни» получился превосходным. С одним недостатком: его нигде нельзя увидеть.

Сжигу. Тружусь. Вспоминаю. Стала настоящей фатальной мемориальной книга Маркеса: «ПОЛКОВНИКУ НИКТО НЕ ПИШЕТ».

В 1991 году, на съемках «Чувствительного милиционера», еще у причала «Советской России»...